ЗАЧЕМ ИЗУЧАТЬ ФОЛЬКЛОРИЗМ ТВОРЧЕСТВА С.А. ЕСЕНИНА? ЗАМЕТАФОРИЧЕСКАЯ ДАЛЬ

Marianna GALIEVA [1]

АННОТАЦИЯ

В статье поднимается вопрос о функционировании фольклорной традиции в поэтике С.А. Есенина с теоретической точки зрения. С одной стороны, эта проблема достаточно изучена, с другой стороны, исследователями выявлялись главным образом факты вторичного фольклоризма в творчестве поэта. Для иного взгляда на этот вопрос необходимы иная методология и выработка теоретического аппарата. Необходимо обратиться к внутренним формам фольклоризма, к фольклору и мифу, стоящим за метафорой. Раннее творчество Есенина связано не только с фольклоризмом и этнографизмом открытого типа, но и имплицитно с поэтикой русской сказки, с ее установкой на идеал «иного царства».

Ключевые слова: миф, фольклор, литература, С.А. Есенин, Е.Н. Трубецкой

Galieva, Marianna. "Zachem İzuchat Folklorizm Tvorchestva S.A. Esenina? Zametaforicheskaja Dal". *idil* 4.15 (2015): 229-238.

Galieva, M. (2015). Zachem İzuchat Folklorizm Tvorchestva S.A. Esenina? Zametaforicheskaja Dal. idil, 4 (15), s.229-238.

[1] Ph.D. Student, Moscow State University, Department of the history of modern Russian literature and contemporary literary process, Moscow, Russian Federation, marianna.galieva(at)yandex.ru

WHY STUDY FOLKLORISM ARTS BY S.A. ESENIN? PROHIBITIVELY METAPHORICALLY DAL

ABSTRACT

The article raises the question, on the theoretical side, on the functioning of the folk tradition in the poetics by S.A. Esenin. On the one hand, this problem is sufficiently studied, on the other hand, the researchers identified mainly secondary facts folklorism in the poet. For a different view on this issue is needed to develop a different methodology and theoretical apparatus. Please refer to the inner shape of folklorism, folklore and myth, standing behind a metaphor. Esenin's early work is associated not only with folklorism and ethnographism open type, but also implicitly with the poetics of Russian fairy tales, with its installation on the ideal of "a kingdom."

Keywords: myth, folklore, literature, S.A. Yesenin, E.N. Troubetzkoy

Фольклоризм поэтики С.А. Есенина, кажется, уже подробно изучен. Разработка данного вопроса началась еще в 30-е гг. XX в. (статьи Б. Неймана и Н.И. Кравцова (Нейман 1929; Кравцов 1929)), потом эта проблема получила свое развитие в монографиях В.В. Коржана (Коржан 1969) и В.Г. Базанова (Базанов 1982). В 90-е гг. появился ряд исследований, посвященных отдельным произведениям поэта в свете фольклорной традиции: монографии С.Н. Кирьянова (Кирьянов 1999) и Е.А. Самоделовой (Самоделова 1998). Исследование фольклоризма творчества Есенина мыслится само собой разумеющимся, так как, во-первых, новокрестьянская литература была *генетически связана* с фольклором и мифом, что в литературе начала XX в. породило явления «магического реализма» (С. Клычков), неомифологизма, во-вторых, сам Есенин изучал труды А.Н. Афанасьева, Ф.И. Буслаева, В.В. Стасова, писал о значимости прикладного искусства (резьба, орнамент на «постельном и тельном белье», то есть вышивка) в трактате 1918 г. «Ключи Марии». Только вот последнее и задало основной тон в исследовании взаимодействия фольклорной и есенинской художественных систем – литературоведы главным образом обратились к *внешним проявлениям* фольклора в поэтике, так называемому *вторичному фольклоризму*, опираясь на «знание» поэтом устно-поэтического творчества. Преимущественно во всех работах уделялось внимание «стилизациям и заимствованиям», а иногда обращение поэта к архаике воспринималось и вовсе как нечто абстрактное, как бы не требующее комментария. Так произошло в работе видного литературоведа И.А. Есаулова. Автор, комментируя поэму «Черный человек», обращаясь буквально к каждой строчке (в этом состоит суть его методологии), как бы оставляет незамеченной основную строчку поэмы «голова моя машет ушами…», спор *об одной букве* – на шее «ноги» или «ночи». Есаулов полагает, что этот спор «об одной букве» не значим в смысловом отношении, так как здесь срабатывает модель темного языка ворожбы, заклятья, не требующая пояснений (Есаулов, 2004: 382). В другой фундаментальной работе, известного есениноведа О.Е. Вороновой, этой строчке, мифологически и архетипически нагруженной, также не уделено должного внимания (Воронова, 2002: 489), не смотря на то, что автором исследования заявлена серьезная проблема «архетипических», духовных, религиозных кодов в творчестве поэта. В чем же проблема таких работ? Определенно в их методологии, потому что, по преимуществу, эти исследования принадлежали к историко-литературной школе, а взгляд историка литературы и взгляд фольклориста на этот вопрос «взаимодействия систем» – все-таки разные вещи. Так, в известной работе «От мифа к литературе» Е.М. Мелетинский пишет **о тесной связи мифа и литературы**, где миф, в свою очередь, связан с обрядом. Таким образом, в литературе заложена парадигма «миф – ритуал», в которой синтезируются

религиозные и донаучные представления, формы музыки, танца, театра, поэзии (Мелетинский, 2001: 24 – 31). Однако, данная парадигма заложена и в фольклоре, поэтому изучение фольклоризма творчества того или иного писателя требует и учета связи фольклора с мифом, с дожанровыми образованиями, комплексного понимания проблемы фольклоризма.

Возвращаясь к небольшому обзору работ, посвященных фольклоризму поэтики Есенина, отметим, что В.И. Харчевников в статье «Некоторые особенности фольклоризма раннего Есенина» указал на то, что вопрос значительно сложнее, чем нам представляется (Харчевников, 1978: 116). Однако он же в своей статье неоднозначно оценивает есенинский фольклоризм: с одной стороны, это явление в его поэтике требует больших разъяснений, с другой стороны, не каждая метафора в его поэтике подлежит объяснению. Как же быть в этом случае? Видимо, настало время обратиться к иной методологии относительно данного вопроса и выработать иной теоретический аппарат.

Фольклористы, исследующие взаимодействие фольклорной и литературной систем, выделяют несколько типов фольклоризма: внешний, вторичные формы, внутренний, имплицитно выраженный (Горелов, 1979: 35 – 36). Последний требует особого внимания – здесь приходится говорить и о связях фольклора с мифом, о связях сказки с мифом, о дожанровых образованиях (обрядовой ритуальной действительности). За ***метафорой стоит миф***, то, что раньше воспринималось как реальность, имагинатив, атрибут культа, обряда, потом перешло в метафору. Следовательно, за сложными метафорами Есенина может стоять миф. Примечательно, что в ранней поэзии много «необъяснимого». Так, в стихотворении 1916г. «Опять раскинулся узорно» дан образ иной земли:

Глаза, увидевшие землю,

В иную землю влюблены. (Есенин, 1995: 25)

Что стоит за определением «иной земли»? Русская сказка сохранила в себе идеал ***иного царства***. Об этом точно и тонко написал в революционное время, в годы Гражданской войны Е.Н. Трубецкой. В лекции о русской сказке с характерным названием «"Иное царство" и его искатели в русской народной

сказке» философ подчеркнул ее связь, во-первых, с мифом, *солнечной землей*, во-вторых, отметил влекомость русского человека этим иным царством, в котором заложена константа неведомого, необъяснимого – отсюда и формулы типа: «иду туда, не знаю куда», «ищу то, не знаю что». «Одни удовлетворяют потребности в «новой земле» естественными житейскими способами. Другие, напротив, преисполняются отвращением ко всему обыденному, житейскому и испытывают непреодолимое влечение к чудесному» (Трубецкой, 1922: 17). Мы не говорим о знакомстве Есенина с лекциями Трубецкого, да и не пытаемся установить какие-либо контакты между ними, однако данная типология позволяет поставить вопрос о ***фольклорном мировоззрении*** поэта, об ***эйдологии*** иного царства. Позднее, в 1919 г. в известном стихотворении «Душа грустит о небесах» появится та же самая формула:

О, если б прорасти глазами,
Как эти листья, *в глубину*. (Есенин, 1995: 138)

За этой сложной метафорой также кроется эйдос иного царства. Лирический герой желает постичь действительность не бытовую, а бытийную, проникнуть вглубь предмета. Однако символы иномира выражаются в поэтике Есенина и вполне конкретно. Например, в стихотворение 1910г. «Дымом половодье» дан образ корабельный:

Желтые поводья
Месяц уронил. (Есенин, 1995: 33)

В данном случае образ небесной ладьи представлен месяцем, то есть небесным светилом. Корабль звездный особенно актуален в восточной культурной традиции, в которой ярко представлена эзотерическая ветвь мусульманства: суфизм. О суфийском корабле и его типологии писал еще известный востоковед В.И. Брагинский, понимая под таким кораблем некий архетип, присущий всем культурам (Брагинский 1988). Этот корабль выступает в данном случае в виде космической универсальной модели. Есенин, конечно же, был знаком с восточной культурной традицией (на что

указывают «Ключи Марии» и «Персидские мотивы»), но, кроме того, представления о корабле, лодке, ладье мы найдем и в русском фольклоре, где корабль – это повозка, то есть элемент переходной, зачастую погребальной обрядности. В поздней поэтике Есенина это также проявилось, особенно в поэме «Пугачев» (Галиева 2014). За этими метафорами кроется миф или обрядовая действительность, иначе говоря, это можно обозначить Имагинативным Абсолютом. Понятие имагинативного подробно объяснил в своей монографии «Логика мифа» Я.Э. Голосовкер, включая в него миф и фольклор, тот вечный духовный элемент, который есть у всех народов и который передается веками от поколения к поколению (Голосовкер, 2012: 197). По этим причинам, нам кажется допустимым определять метафорическое пространство поэзии Есенина как *имагинативное*. Здесь важно понимать, что имагинативное не просто калькировано от «magination», то есть воображения/воображаемого/образного, имагинативное – энтелехийная сила, которая заряжает поэзию, напитывает ее вечными кодами и укореняет в космо-психо-логосе. Примером этому может служить поэтическое обыгрывание поэтом и своего рождения, которое он вписывает в сакральный контекст. С одной стороны, его лирическое я – «внук купальской ночи»:

Родился я с песнями в травном одеяле.

Зори меня вешние в радугу свивали.

Вырос я до зрелости, внук купальской ночи,

Сутемень колдовная счастье мне пророчит. (Есенин, 1995: 29)

С другой стороны, в поэме «Анна Снегина»:

Скажите:
Что с вами случилось?»
«Не знаю».

«Кому же знать?»
«*Наверно, в осеннюю сырость*
Меня родила моя мать». (Есенин, 1995: 173)

Первое – очевидно ритуально, к тому же в раннем стихотворении, как и во многих других этого периода, ощущаются следы намеренного обращения к этнографическим элементам; второе – более скрыто, ритуальный смысл зашифрован. Но ведь к осеннему времени года привязан особый день, когда медведи уходят и змеи прячутся под камень, что символизирует и обновление, и завершение годового цикла в космическом плане: «У славян известны два змеиных праздника в году, делящие год на две почти равные части: один из них связан с уходом змей под землю (14 сентября), а другой – с весенним появлением их на земле (25 марта)» (Рыбаков, 2013: 200). Ритуальная маркированность может проявляться как эксплицитно, так и имплицитно. Это, вероятно, зависит и от творческого замысла, и от творческого этапа, хотя как мы видим, в ранний период творчества уже формировались те формулы, которые составят эйдологию иного царства в есенинской поэтике позднего периода.

Итак, изучение фольклоризма творчества Есенина необходимо продолжать, осуществляя это с новых методологических позиций, осознавая, что за метафорой стоит миф, а значит, метафорика Есенина носит характер мнимой простоты, по справедливому замечанию А.М. Марченко (Марченко, 1972: 49), и требует подробного, зачастую фольклористического, комментария. Введение понятий имагинативное, иномирное также методологически полезно и продуктивно, так как открывает путь к ***заметафорической действительности***, к формулам, простирающимся вдаль времен, в которых, безусловно, был укоренен и творчески, и биографически С.А. Есенин.

Библиография

Базанов, В.Г. Сергей Есенин и крестьянская Россия. Л.: Советский писатель , 1982.

Брагинский, В.И. Суфийский символизм корабля и его ритуально-мифологическая архетипика (к историко-поэтологическому изучению топики) // Проблемы исторической поэтики литератур Востока. М.: Наука, 1988.

Воронова, О.Е. Философский смысл поэмы С.А. Есенина «Черный человек» (опыт экзистенционального анализа) // Воронова О.Е. Сергей Есенин и русская духовная культура: Научное издание. Рязань: Узорочье, 2002.

Галиева, М.А. Образ корабельный в поэме С. Есенина «Пугачев» // Казанский педагогический журнал. 2014. №5.

Голосовкер, Я.Э. Имагинативный реализм как подлинный реализм культуры // Голосовкер Я.Э. Имагинативный абсолют. М.: Академический Проект, 2012.

Горелов, А.А. К истолкованию понятия «фольклоризм литературы» // Русский фольклор. Л.: Наука, 1979. Т. XIX.

Есаулов, И.А. Пасхальный архетип в ранней лирике С. Есенина и поэма «Черный человек» // Есаулов И.А. Пасхальность русской словесности. М.: Кругъ, 2004.

Есенин, С.А. Полн. собр. соч.: В 7 т. М.: Наука: Голос, 1995 – 2002.

Кирьянов, С.Н. Поэма «Черный человек» в контексте творчества С.А. Есенина и национальной культуры: Учеб. пособие. Тверь: Твер. гос. ун-т, 1999.

Кравцов, Н. Есенин и народное творчество // Художественный фольклор. 1929, Вып. IV–V.

Коржан, В.В. Есенин и народная поэзия. Л.: Наука, 1969.

Марченко, А.М. Поэтический мир Есенина. М.: Сов. пис., 1972.

Мелетинский, Е.М. От мифа к литературе. М.: РГГУ, 2001.

Нейман, Б. Источники эйдологии Есенина // Художественный фольклор. 1929, Вып. IV–V.

Рыбаков, Б.А. Язычество древних славян. М.: Академический Проект, 2013.

Самоделова, Е.А. Историко-фольклорная поэтика С.А. Есенина // Рязанский этнографический вестник. Рязань: Рязанская областная типография, 1998.
Трубецкой, Е.Н. «Иное царство» и его искатели в русской народной сказке. М.: Тип. Боровинско-Волдайского Кустарного и Сельско-Хозяйств. Союзного Т-ва., 1922.
Харчевников, В.И. Некоторые особенности фольклоризма раннего Есенина // Славянские литературы и фольклор. Русский фольклор, XVIII. Л.: Наука, 1978.

Bibliografija

Bazanov, V.G. Sergej Esenin i krest'janskaja Rossija. L.: Sovetskij pisatel' , 1982.
Braginskij, V.I. Sufijskij simvolizm korablja i ego ritual'no-mifologicheskaja arhetipika (k istoriko-pojetologicheskomu izucheniju topiki) // Problemy istoricheskoj pojetiki literatur Vostoka. M.: Nauka, 1988.
Voronova, O.E. Filosofskij smysl pojemy S.A. Esenina «Chernyj chelovek» (opyt jekzistencional'nogo analiza) // Voronova O.E. Sergej Esenin i russkaja duhovnaja kul'tura: Nauchnoe izdanie. Rjazan': Uzoroch'e, 2002.
Galieva, M.A. Obraz korabel'nyj v pojeme S. Esenina «Pugachev» // Kazanskij pedagogicheskij zhurnal. 2014. №5.
Golosovker, Ja.Je. Imaginativnyj realizm kak podlinnyj realizm kul'tury // Golosovker Ja.Je. Imaginativnyj absoljut. M.: Akademicheskij Proekt, 2012.
Gorelov, A.A. K istolkovaniju ponjatija «fol'klorizm literatury» // Russkij fol'klor. L.: Nauka, 1979. T. XIX.
Esaulov, I.A. Pashal'nyj arhetip v rannej lirike S. Esenina i pojema «Chernyj chelovek» // Esaulov I.A. Pashal'nost' russkoj slovesnosti. M.: Krug#, 2004.
Esenin, S.A. Poln. sobr. soch.: V 7 t. M.: Nauka: Golos, 1995 – 2002.
Kir'janov, S.N. Pojema «Chernyj chelovek» v kontekste tvorchestva S.A. Esenina i nacional'noj kul'tury: Ucheb. posobie. Tver': Tver. gos. un-t, 1999.

Kravcov, N. Esenin i narodnoe tvorchestvo // Hudozhestvennyj fol'klor. 1929, Vyp. IV–V.

Korzhan, V.V. Esenin i narodnaja pojezija. L.: Nauka, 1969.

Marchenko, A.M. Pojeticheskij mir Esenina. M.: Sov. pis., 1972.

Meletinskij, E.M. Ot mifa k literature. M.: RGGU, 2001.

Nejman, B. Istochniki jejdologii Esenina // Hudozhestvennyj fol'klor. 1929, Vyp. IV–V.

Rybakov, B.A. Jazychestvo drevnih slavjan. M.: Akademicheskij Proekt, 2013.

Samodelova, E.A. Istoriko-fol'klornaja pojetika S.A. Esenina // Rjazanskij jetnograficheskij vestnik. Rjazan': Rjazanskaja oblastnaja tipografija, 1998.

Trubeckoj, E.N. «Inoe carstvo» i ego iskateli v russkoj narodnoj skazke. M.: Tip. Borovinsko-Voldajskogo Kustarnogo i Sel'sko-Hozjajstv. Sojuznogo T-va., 1922.

Harchevnikov, V.I. Nekotorye osobennosti fol'klorizma rannego Esenina // Slavjanskie literatury i fol'klor. Russkij fol'klor, XVIII. L.: Nauka, 1978.